

ВООРУЖЕННЫЙ ЭКСТРЕМИЗМ В АФГАНИСТАНЕ, ПАКИСТАНЕ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: ВЗГЛЯД ИЗ РОССИИ

DOI: 10.20542/2307-1494-2017-1-205-212

Ключевые слова: Афганистан, Пакистан, Центральная Азия, вооруженный экстремизм, терроризм, Талибан, ИГИЛ, пуштунские племена, Россия, США, Китай

Аннотация: Афганистан и Пакистан являются по существу единой зоной вооруженного экстремизма, до последнего времени в основном представленного движением Талибан. Единство этой зоны во многом обеспечивают преобладающая роль пуштунов среди талибов и тесные связи между пуштунскими племенами по обе стороны афгано-пакистанской границы. С середины 2010-х гг. еще одним осложняющим фактором экстремизма в афгано-пакистанском контексте стало присутствие Исламского государства в Ираке и Леванте (ИГИЛ). Центральная Азия, имеющая общую границу с Афганистаном, десятилетиями служит потенциальным полем расширения афгано-пакистанской зоны экстремизма и терроризма в северном направлении. В случае вероятного вытеснения ИГИЛ из Сирии и Ирака рассматриваемый в статье ареал может стать еще более масштабным и вдвойне опасным центром и рассадником вооруженного экстремизма. Такая перспектива повышает роль и значение сотрудничества России и США в борьбе с терроризмом в этой части мира.

Keywords: Afghanistan, Pakistan, Central Asia, violent extremism, terrorism, Taliban, ISIL, Pashtun tribes, Russia, USA, China

Summary: Afghanistan and Pakistan actually constitute one contiguous zone of violent extremism that, until recently, was mainly represented by the Taliban. The contiguous nature of the Afghan-Pakistani areal of violent extremism is largely explained by the prevalence of the Pashtuns among the Taliban and close ties between the Pashtu tribes living on both sides of the Afghan-Pakistani border. Since the mid-2010s, the presence of adherents of the Islamic State of Iraq and Levant (ISIL) has become another complicating factor. The Central Asian region that borders Afghanistan has for decades served as a potential area for expansion of the Afghan-Pakistani arc of extremism and terrorism in the northern direction. If ISIL is driven out of Syria and Iraq, the region addressed in this article may become an even larger and more dangerous hotbed of violent extremism. This prospect enhances the role and importance of cooperation between Russia and the United States on antiterrorism in this part of the world.

В статье рассматриваются три взаимосвязанных вопроса. Первый из них – насколько целесообразно и практически значимо, с аналитической точки зрения, объединять Афганистан, Пакистан и Центральную Азию в один регион, если речь идет о насильственном экстремизме и терроризме. Второй вопрос – каковы существующие подходы к оценке масштабов и перспектив вооруженного экстремизма в этом обширном регионе и отдельных его частях. Наконец,

третий вопрос – в чем состоят императивы и каковы возможности сотрудничества между Россией и США в сфере борьбы с вооруженным экстремизмом.

I.

Касаясь первого вопроса, следует подчеркнуть, что объединение Афганистана, Пакистана и Центральной Азии в один регион с точки зрения распространения угрозы вооруженного экстремизма представляется логичным и оправданным. Главным очагом экстремизма обычно по праву считается Афганистан. Однако не менее значительную проблему, с точки зрения активности вооруженных экстремистов, представляет Пакистан. Давно известный, в основном благодаря американскому дипломату Ричарду Холбруку, термин «АфПак» в том числе отражает тесноту переплетения связей афганских и пакистанских экстремистов. Типичным примером может служить, например, нападение группы боевиков в октябре 2016 г. на полицейскую школу на окраинах Кветты, столицы пакистанской провинции Белуджистан. В результате нападения трех хорошо вооруженных боевиков были убиты 60 курсантов полицейской школы и более 120 получили ранения. По пакистанской версии случившегося, нападение совершили террористы из подразделения давно запрещенной в Пакистане подпольной организации «Лашкар-е Джангви», которые в ходе операции получали инструкции от организаторов атаки, находившихся в Афганистане. Более того, по этой версии, террористы проникли на территорию Пакистана из Афганистана, граница с которым протекает недалеко от Кветты. В этой официальной пакистанской трактовке читается желание поквитаться с официальным Афганистаном, который, в свою очередь, систематически возлагает на Пакистан и на группировки, базирующиеся в Пакистане, ответственность за теракты, совершаемые в Афганистане, в частности, в Кабуле.

Если оставить в стороне взаимные обвинения, то объективная картина состоит в том, что граница между двумя соседями прозрачна, легко пересекается и с той, и с другой стороны, а зона вооруженной активности экстремистского толка носит полноценный трансграничный характер.

Приграничные зоны обеих стран – это пустынные, горные районы, населенные преимущественно различными племенами пуштунов, как западных, афганских, говорящих на диалекте пушту, так и восточных, пакистанских, говорящих на диалекте пахту. Афганские пуштуны принадлежат в основном к двум племенным конфедерациям – *дуррани*, населяющим южные провинции страны, и *гильзаи*, доминирующим в восточных провинциях. Среди пакистанских пуштунов (пахтунов) есть представители и дуррани (расселены на севере провинции Белуджистан, прилегающей к югу Афганистана) и гильзаи, а также другие племена, не входящие в две крупнейшие племенные конфедерации. Как в Афганистане, так и в Пакистане есть существенные различия между горными и равнинными племенами (последние расселены в предгорьях и долинах рек). Горцы сохраняют племенной быт и обычаи в более полном виде и свободны от уплаты государственных налогов. Компактно они

проживают главным образом в пакистанской «племенной зоне». Официальное ее название – Территория племен федерального управления (ТПФУ). ТПФУ примыкает с запада к бывшей Северо-Западной пограничной провинции Пакистана, получившей в 2010 г. новое название – Хайбер-Пахтунхва («Хайбер» – по названию знаменитого горного перевала, «Пахтунхва» – пуштунская).

Тот факт, что среди боевиков по обе стороны границы преобладают пуштуны, связан, как представляется, не столько с их особой религиозностью, сколько с образом жизни и племенными традициями. В отличие от представителей других этнических групп Афганистана и Пакистана, для пуштунов во всей обширной зоне их расселения основным традиционным занятием является не земледелие (хотя им они тоже занимаются при наличии ирригации богарного, кяризного или искусственного типа), а скотоводство (разведение мелкого рогатого скота), дополняемое, где возможно, садоводством и огородничеством. Такое отгонно-пастбищное скотоводство по традиции сочеталось у пуштунов с военной службой у правителей различного рода и предводителей племенных ополчений, а также с грабежом и насилием, нападениями на торговые караваны, города и другие населенные пункты, то есть, в сочетании с тем, что Карл Маркс называл «труд войны», а задолго до него известный арабский исламский мыслитель Ибн Халдун характеризовал как одно из проявлений соседства кочевой и оседлой цивилизации.

Племенная структура в определенной степени свойственна и другим народностям Афганистана и Пакистана – горным таджикам, ранее также именовавшимся кухистанцами, в частности, нынешним панджерцам (жителям долины Панджшер на северо-востоке Афганистана), белуджам по обе стороны границы, отдельным группам панджабцев на западе Пакистана. Однако пуштуны выделяются своей особой приверженностью племенным традициям, кодифицированным в знаменитом своде правил и обычаев – «пуштунвали».

За последние десятилетия, в течение которых Афганистан превратился в ареал диверсионно-террористической войны и очаг вооруженного экстремизма, исторические связи между пуштунами Афганистана и Пакистана лишь упрочились. Пуштуны составляли большинство афганцев, бежавших в Пакистан в период первой гражданской войны 1979–1992 гг. Пакистанские пуштуны принимали активное участие в афганском движении Талибан в период второй гражданской междоусобной войны 1992–2001 гг., а афганские пуштуны помогали формировать отряды пакистанского движения Талибан в середине 2000-х гг. в наиболее труднодоступной части горных районов на границе между Пакистаном и Афганистаном. Талибы, на 90% состоящие из пуштунов, активно действовали в обеих странах в период третьей гражданской войны в Афганистане, начавшейся в 2003 г. и не закончившейся до сих пор.

Помимо пуштунского пояса, который превращает Афганистан и Пакистан в своего рода сиамских близнецов, объединение двух стран в одну зону по признаку вооруженного экстремизма оправдано в силу веками существовавших связей между областями современного Пакистана и Афганистаном. Исторически, гробница основателя династии Великих Моголов Бабура, с которой многие в Пакистане связывают истоки своей государственности,

находится в Кабуле. Мусульманское завоевание Индии осуществлялось через афганский коридор. В Новое время северо-западная Индия, территория нынешнего Пакистана, и Афганистан находились в общей зоне притяжения с юга, со стороны Индийского океана и Аравийского моря.

Между тем, исторические связи АфПака с Центральной, или Средней, Азией были куда менее прочными. Хотя сам Захир-ад-дин Мухаммад Бабур (1483–1530 гг.) был родом из главной плодородной долины Центральной Азии – Ферганской, высокие горные цепи Памира и Гиндукуша, горы и пустыни Туркмении отсекали юг Евразии от ее севера. Средняя Азия находилась под преимущественным влиянием с севера со стороны Великой степи, простирающейся от границ Китая на востоке до Венгрии (древней Паннонии) на западе. Хотя исторические контакты по долготе, по меридиану, и имели место, они не были интенсивными ни в предыдущие эпохи, ни в наше время.

Однако для такого феномена, как вооруженный экстремизм, топография не имеет решающего значения (нередко, наоборот, чем сложнее рельеф местности, тем легче боевикам-террористам скрываться и готовить вылазки). Поэтому высокие горы не стали препятствием ни для проникновения таджикских и узбекских боевиков на афганскую территорию после неудачи радикальных исламистов в гражданской войне в Таджикистане в 1992–1997 гг., ни для террористических вылазок с территории Афганистана в Узбекистан в 1999-2000 гг. Группы вооруженных экстремистов под флагом Исламского движения Узбекистана (ИДУ) и Исламского движения Туркестана окопались в горном районе Пакистана на границе с Афганистаном. Таким образом, образовалось единство двух регионов вооруженного экстремизма. Оно поддерживалось и после разгрома талибов в Афганистане в 2001 г., цементируясь верностью арабской по происхождению аль-Каиде.

После ликвидации в 2011 г. Усамы бен Ладена и резкого усиления в 2013-2014 гг. позиций Исламского государства Ирака и Леванта (ИГИЛ, или, по арабской аббревиатуре, ДАИШ – «ад-Дауля аль-Исламия фи-ль-Ирак уа-аш-Шам») соединение двух стран Южной Азии (АфПака) и Центральной Азии как ареала вооруженного экстремизма обеспечивается ориентированностью не столько на Аль-Каиду, сколько на ДАИШ. Уже ИГИЛ пыталось приписать себе заслугу нападения на полицейскую школу близ Кветты, о котором упоминалось выше. ИГИЛ также объявило о создании специального подразделения организации в «провинции Хорасан», имея в виду обширный регион, включающий не только запад Ирана, но и Центральную Азию, а также Афганистан, Пакистан и Индию.

II.

В оценке масштабов и перспектив вооруженного экстремизма в этом обширном регионе в России существуют два крайних подхода. Один из них – алармистский – состоит в систематическом преувеличении как нынешнего размаха, так и вероятных масштабов этого явления в будущем. Согласно этой позиции, якобы «чья-то невидимая рука» направляет боевиков-террористов, связанных с Исламским государством (ДАИШ) – а до этого талибов, аль-Каиду

и т. п. – к границам между Афганистаном и такими наиболее уязвимыми государствами Центральной Азии, как Туркменистан и Таджикистан, с тем, чтобы подготовить их к броску через границу. По этой причине таджикская граница укрепляется и идет активная подготовка к отражению атак со стороны то ли талибов, то ли ДАИШ.

Другая, полярная точка зрения заключается в том, что подъем религиозного экстремизма в Центральной Азии есть миф, что в регионе нет угрозы не только вооруженного, но и политического экстремизма на исламской почве. Думается, что такая позиция также не обоснована. Учитывая углубляющийся экономический кризис в Таджикистане (например, в октябре 2016 г. бóльшая часть страны на время осталась без электричества), глубокую разделенность общества в Киргизии, глухой тоталитаризм в Туркмении, переходный период в Узбекистане после смерти президента Ислама Каримова и традиционно неблагополучную ситуацию на перенаселенном юге Казахстана, нельзя исключать появления в регионе сильной оппозиции, которая в силу особенностей политических режимов может быть лишь по большей части исламистской и экстремистской.

К тому же нельзя полностью сбрасывать со счетов и влияние афганского фактора на ситуацию в Центральной Азии. Несмотря на меры правительства Афганистана и международного сообщества, на сохранение определенного уровня международной финансовой помощи этой стране (на конференции доноров в Брюсселе в октябре 2016 г. Афганистану была обещана помощь в более чем 15 млрд. долл.), несмотря на укрепление афганских вооруженных сил, талибы упрочили свои позиции, особенно в сельских районах как на юге и востоке, так и на севере страны и, безусловно, остаются лидером вооруженной антиправительственной оппозиции.

Движение талибов, кстати, не корректно рассматривать как пуштунских националистов, поскольку националистами правильно считать легально действующие политические силы, опирающиеся на национально-этническую солидарность. Талибы же ныне суть вооруженные экстремисты, вдохновляемые исламской идеологией. Их идейная платформа подспудно не лишена этнического ядра, а некоторые из применявшихся ими в прошлом форм насилия иногда явно носили характер этнических чисток, но националистами в привычном смысле талибы никогда не являлись и не являются. Поэтому считать, что их воздействие на Центральную Азию минимально в силу их преимущественно пуштунской идентичности (которая якобы препятствует распространению зон их устойчивого влияния на территории, где доминируют иные этнические группы) вряд ли правильно. Другое дело, что ввиду традиционной слабости культурных связей между пуштунами и народами Центральной Азии и непростых, а временами враждебных отношений между пуштунами и узбеками, а также пуштунами и таджиками, возможности талибов в регионе к северу от Аму-Дарьи (в Трансоксании), действительно, весьма ограничены.

В отличие от двух крайних точек зрения, оптимальным и наиболее сбалансированным представляется некий средний подход к оценке угроз насильственного экстремизма для Центральной Азии, который допускает

вероятность усиления этого фактора в будущем, причем не обязательно далеко. При этом главными формами проявления экстремизма в регионе будут внутренние противоречия и кризисные явления. В Таджикистане, например, уже отмечены случаи выступлений местных экстремистов-сторонников ИГИЛ, в частности, в южной провинции Хатлон.

При вероятном отступлении ИГИЛ из Сирии и Ирака не исключена миграция части игиловцев в Афганистан и Среднюю Азию (только число таджиков среди них в среднем оценивается в 1000 человек). Если до последнего времени основную массу сторонников ИГИЛ в Афганистане составляли разочаровавшиеся в руководстве Талибан афганцы, то в будущем к ним могут присоединиться представители «исламистского интернационала», что, безусловно, усилит и встающих под знамена ИГИЛ местных экстремистов. На эту опасность неоднократно указывали и власти Афганистана. Отдельные группы афганских экстремистов, подняв черный стяг ИГИЛ, регулярно совершали кровавые теракты в Кабуле и прилегающей к нему провинции Нангархар. Причем острие этих атак, как правило, направлено против шиитов, что служит определенным маркером, «почерком» действий игиловцев.

Пакистан, кстати, также не застрахован от превращения в зону активности и базирования ДАИШ. Реальность такой угрозы пакистанские власти признавали еще с 2015 г. (хотя на данном этапе – в 2015 и 2016 гг. – террористическая активность в Пакистане в целом снизилась – впервые с 2012 г.).

III.

Третья проблема, которой посвящена эта статья – это то, какое значение проблема вооруженного экстремизма, включая терроризм, в Афганистане и более широком регионе, имеет с точки зрения российско-американских отношений и перспектив взаимодействия. Обострение ситуации во всем обширном регионе, который можно назвать восточным флангом Ближнего Востока, не отвечает интересам ни России, ни США. Москва и Вашингтон заинтересованы в поддержке государственных систем, существующих в Афганистане, Пакистане и Центральной Азии. Разумеется, никто не заблуждается на тот счет, что эти системы страдают от глубоких изъянов и слабостей, от коррупции, nepотизма, дискриминации отдельных этнических и религиозных групп, от позитивной дискриминации, то есть предоставления льгот и привилегий на почве локальных и разного рода других партикуляристских интересов. Правящие режимы подвержены эрозии, трениям между институциональными корпорациями, между конкурирующими группами бизнеса, тесно связанного с государственным патернализмом, фаворитизмом и т. п.

Вместе с тем трудно рассчитывать на появление чего-то принципиально нового в характере и типе таких государственных систем, во всяком случае, на данном историческом этапе. Приходится быть реалистами и не заниматься попытками кардинально изменить структуру общества и власти в этих государствах. Можно лишь рассчитывать на выбор лучшего из худшего и

сдерживать деструктивные тенденции, способные привести государственные системы к коллапсу и открыть дорогу для дестабилизации, всплесков вооруженного насилия, человеческих жертв и лишений.

На этом фоне, с одной стороны, для России и США важно избежать действий, направленных на поддержку сил, односторонне ориентирующихся на ту или иную из глобальных держав. Натравливание своих патронов друг на друга испокон веков является излюбленным приемом геополитических клиентов (о чем свидетельствует еще опыт «холодной войны»).

С другой стороны, нельзя не считаться с геополитическими реалиями. Россия имеет традиционные, давно сложившиеся связи с Центральной Азией, с которой она связана прочными нитями не только исторически, но и по сей день. От ситуации в регионе в определенной мере зависит внутренняя безопасность России: поток временных и постоянных мигрантов из центральноазиатских стран на ее территорию не прекращается, а проблемы их адаптации, приспособления к местным условиям труда и быта сохраняются и могут обостриться. Нужно учитывать, что среди мигрантов из Центральной Азии в Россию прибывают сторонники воинствующей исламистской идеологии. К ним относятся, в частности, члены запрещенной в России организации «Таблиги джамаат» («Общество призыва»), центр которой находится в Пакистане.

В более широком плане, если Россия в Центральной Азии и сталкивается с угрозой потери своих традиционных позиций, то главным образом перед лицом нарастающей экспансии со стороны Китая. Китайская экономическая экспансия под лозунгом «один пояс, одна дорога», или «нового Шелкового пути», в определенной мере не противоречит российским интересам, поскольку она, по идее, может быть сопряжена с российскими программами помощи развитию государств ЦА. Однако преобладание китайской инвестиционной активности над российской грозит сделать такое сопряжение несбалансированным. Китай, как известно, не только вкладывает средства, не только строит, часто опираясь на свою, а не местную рабочую силу, производственные и социально-бытовые инфраструктурные объекты, но и стремится контролировать ситуацию в местах приложения своего капитала. Поэтому в долгосрочном плане Россия заинтересована в участии и других агентов в экономическом подъеме и экономическом развитии центральноазиатского региона, а также всего ареала вдоль «нового Шелкового пути» от Китая до Европы и Ближнего Востока. Иными словами, участие в этих программах США и международных экономических организаций, где США имеют серьезное или решающее влияние, в целом, на мой взгляд, благоприятно для России.

Помимо экономического, объединяющим фактором выступает борьба с терроризмом. Угроза вооруженного экстремизма остается общей угрозой для России, США и всего мирового сообщества. К ней добавляются озабоченности, связанные с угрозой ядерного терроризма и нераспространения ядерного оружия. Пакистан и Индия являются непризнанными ракетно-ядерными державами. Вероятность конфликта между ними с использованием ядерного оружия, хотя и существует, на данном этапе представляется незначительной. А вот перспектива получения вооруженными экстремистами, которых в регионе

немало, доступа к неконвенциональным материалам и оружию, является более реальной.

Эти общие для России и США угрозы и риски, связанные с данным регионом, заставляют сверять часы и быть готовыми к совместным или, по меньшей мере, не конфронтационным в отношении друг друга действиям. О том, что такие действия в этом регионе возможны, говорит самый недавний опыт. Так, США закупили российские боевые вертолеты «Ми-17», поставляли их на вооружение афганской армии, и они ныне являются одной из наиболее крупных партий боевой техники, которой обладает армия Афганистана. В перспективе Россия и США могли бы усилить сотрудничество в борьбе с проявлениями вооруженного, прежде всего, транснационального экстремизма в Афганистане, особенно с учетом того, что эта угроза может возрасти в ближайшие годы. Кооперация в этой сфере могла бы быть примером позитивного взаимодействия и способствовать преодолению и ряда других противоречий в отношениях двух стран.